

Ссылка для цитирования этой статьи:

Ахмедова З.А., Гойтиев М.Г. Злоупотребление семейными правами // Human Progress. 2026. Том 12, Вып. 2. URL: http://progress-human.com/images/2026/Tom12_2/Akhmedova.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2026-2a-3.

УДК 347.232

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СЕМЕЙНЫМИ ПРАВАМИ

Ахмедова Замира Ахмедовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права юридического института,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Гойтиев Магомед Гойтемирович

магистрант кафедры гражданского права юридического института,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация;
независимый исследователь

Аннотация. В статье исследуется феномен злоупотребления семейными правами в Российской Федерации как межотраслевое правовое явление, формирующееся на стыке принципа добросовестности и приоритета защиты интересов ребенка. Раскрывается юридическая природа злоупотребления в семейных правоотношениях, анализируются его типичные модели в судебной практике: воспрепятствование общению ребенка с родителем, манипулирование алиментными обязательствами, недобросовестное распоряжение совместно нажитым имуществом супругов, а также использование процессуальных механизмов для затягивания спора. Особое внимание уделяется проблеме доказательственных стандартов и оценке поведенческого паттерна сторон в условиях высококонфликтных семейных споров. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики выявлены системные пробелы регулирования и предложены направления совершенствования норм семейного права и судебной методике, направленные на обеспечение баланса частных интересов и публичной задачи защиты детства.

Ключевые слова: злоупотребление правом, семейные правоотношения, родительские права, добросовестность, интересы ребенка, алиментные обязательства.

Актуальность исследования злоупотребления семейными правами в Российской Федерации обусловлена тем, что семейные правоотношения по своей природе строятся на

доверии, добросовестности и приоритете защиты интересов слабой стороны, прежде всего ребенка, однако на практике именно эта доверительная основа нередко используется участниками семейных отношений в недобросовестных целях. В условиях роста конфликтности разводов, усложнения моделей родительства, увеличения количества споров о месте жительства ребенка, порядке общения, взыскании алиментов, разделе имущества супругов и оспаривании сделок особое значение приобретает проблема пределов осуществления субъективных семейных прав. Злоупотребление семейными правами проявляется как способ давления на бывшего супруга, как инструмент искусственного создания правового преимущества в споре, как форма сокрытия доходов и активов, как манипуляция режимом общения с ребенком и его привязанностью, а также как использование процедурных механизмов для затягивания рассмотрения дел. В последнее время увеличиваются случаи недобросовестного поведения членов семьи в делах по банкротству, получении социальных выплат сделках с недвижимым имуществом. Наличие публично значимой цели семейного законодательства и ориентированность на охрану семейных ценностей не исключают, а напротив, усиливают потребность в ясных критериях разграничения добросовестного осуществления семейных прав и их недопустимого использования во вред другому лицу, ребенку или самой семье как социальному институту.

Цель исследования состоит в формировании целостного представления о злоупотреблении семейными правами как о правовом явлении, выявлении его юридической природы, типичных форм и критериев квалификации, а также в обосновании направлений совершенствования правоприменения, обеспечивающих баланс частных интересов членов семьи и охрану публичных интересов.

Существенный вклад в разработку идеи недопустимости злоупотребления правом и ее доктринальных оснований внесли представители общей теории права и цивилистики, в том числе С.С. Алексеев и В.П. Грибанов, чьи подходы к назначению субъективного права, пределам его осуществления и правовым последствиям недобросовестного поведения продолжают использоваться в межотраслевом анализе. В семейно-правовой доктрине вопросы добросовестности и пределов осуществления семейных прав исследуются в трудах ученых, развивающих современную теорию семейного права и анализирующих судебную практику по семейным спорам, среди которых можно выделить М.В. Антокольскую, А.М. Нечаеву, Л.М. Пчелинцеву, Е.А. Чефранову, А.Д. Матанцева, М.В. Ульянову, О.А. Портикову и других исследователей, рассматривающих природу семейных прав, принципы защиты интересов ребенка, проблемы осуществления родительских прав, алиментных обязанностей и имущественных отношений супругов. Вместе с тем степень разработанности темы нельзя

признать исчерпывающей, поскольку в научной литературе сохраняется неоднородность подходов к тому, следует ли квалифицировать злоупотребление семейным правом преимущественно как межотраслевую конструкцию, заимствованную из гражданского права, либо как самостоятельный семейно-правовой институт со специфическими критериями и последствиями.

Проблема злоупотребления семейными правами в Российской Федерации является одной из наиболее сложных для квалификации, поскольку семейные права по своей природе тесно связаны с личностью участника, реализуются в ситуации эмоционального конфликта и нередко пересекаются с публичным интересом защиты детства, а также с интересами третьих лиц. В отличие от классических имущественных отношений, где назначение субъективного права и пределы его осуществления обычно описываются через экономическую эквивалентность и оборотоспособность, семейные права реализуются в контексте доверия, заботы, воспитания, привязанности и уважения человеческого достоинства, а значит, «формальная правомерность» поведения еще не гарантирует его добросовестность. Именно поэтому российское правоприменение опирается на межотраслевой принцип недопустимости злоупотребления правом, закрепленный в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, и использует его как универсальный критерий оценки заведомо недобросовестного осуществления прав, в том числе тогда, когда спор формально относится к семейным правоотношениям.

Нормативная база противодействия злоупотреблению семейными правами формируется на стыке общих положений о добросовестности и специальных предписаний Семейного кодекса РФ о приоритете интересов ребенка и запрете осуществления родительских прав вопреки этим интересам. На уровне специальных норм ключевым «антиманипулятивным» предписанием является положение о том, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей, а обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы родителей (статья 65 Семейного кодекса Российской Федерации). На уровне разъяснений высшей судебной инстанции существенное значение имеет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 44, где прямо раскрывается содержание злоупотребления родительскими правами как использования этих прав в ущерб интересам детей и приводятся типовые примеры такого поведения. В совокупности эти источники задают метод квалификации: если поведение внешне укладывается в «букву права», но по цели и реальному эффекту направлено на причинение вреда другому члену семьи или на ущемление интересов ребенка, оно может быть признано злоупотреблением, что открывает возможность отказа в судебной защите либо

применения специальных мер семейно-правового воздействия (ограничение, лишение родительских прав и иные меры защиты ребенка).

Практическая «картина спроса» на судебную защиту показывает, что семейные конфликты приобретают массовый характер, а это усиливает риск недобросовестных стратегий сторон. По данным судебной статистики, только в 2024 году судами рассмотрены, в частности, дела о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей (203 094 дела), дела о лишении родительских прав (30 017 дел), дела об ограничении родительских прав (6 060 дел), а также значительный массив «иных споров, связанных с воспитанием детей» (22 408 дел). Такая масштабность означает, что злоупотребление семейными правами следует рассматривать не как редкую аномалию, а как типологически предсказуемый риск правоприменения в высококонфликтной среде, требующий понятных критериев доказывания и соразмерных правовых последствий [1, с. 65].

Недобросовестное исполнение семейных прав, использование их в обход закона в противоречии с их традиционным назначением и иные формы злоупотребление правом, как и в других отраслях частного права, создают существенные препоны в построении цивилизованной модели семьи, построенной на нормах права, морали, нравственности. С одной стороны, причинами данного явления является социально-экономическая нестабильность в нашем обществе в целом. С другой стороны, многие годы во всех странах отмечается деградация семейных ценностей, одновременно усиливаются индивидуалистические черты членов семьи. В судебной практике злоупотребление семейными правами проявляется в нескольких устойчивых моделях, каждая из которых имеет собственную доказательственную специфику [2, с. 6]. Первая модель связана с манипуляцией правом на общение ребенка с отдельно проживающим родителем и с исполнением судебных актов об установлении порядка общения. Формально сторона может сослаться на заботу о ребенке, режим дня или «нежелание ребенка», однако фактически поведение выражается в систематическом создании препятствий: срыве встреч, сокрытии местонахождения, подмене согласованных условий, провоцировании конфликтов при передаче ребенка. Российское право реагирует на это не только семейно-правовыми способами, но и административно-правовыми: часть 2 статьи 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях прямо охватывает случаи лишения несовершеннолетнего права на общение с родителями или близкими родственниками и неисполнение судебного решения о порядке осуществления родительских прав. Реальные дела по статье 5.35 КоАП Российской Федерации показывают, что суды проверяют фактические обстоятельства препятствования общению, оценивают системность и наличие объективных причин, а при недостаточности доказательств

отказывают в привлечении к ответственности, что подчеркивает высокую цену надлежащего доказывания (например, решения судов, где прямо анализируется наличие либо отсутствие данных о нарушении права ребенка на общение. Социальная значимость этой группы конфликтов подтверждается и публичными источниками: в материалах о законодательных инициативах по усилению ответственности за препятствование общению указывается рост числа таких дел и обсуждается увеличение штрафов за соответствующие нарушения [2, с. 6].

Вторая модель злоупотребления связана с алиментными обязанностями и «переупаковкой» семейного спора в финансовый инструмент давления. Здесь встречаются стратегии сокрытия доходов, фиктивного трудоустройства на минимальную заработную плату, вывода активов на аффилированных лиц, инициирования встречных исков исключительно для затягивания разбирательства, а также предъявления требований в момент, выбранный для причинения максимального вреда другой стороне. Массовость алиментных споров по статистике (сотни тысяч рассмотренных дел ежегодно) создает объективную почву для таких злоупотреблений. При этом Верховный Суд Российской Федерации в ряде определений обращает внимание судов на необходимость не формального, а содержательного анализа семейного конфликта, оценки поведения сторон и фактических обстоятельств, отменяя судебные постановления, принятые без должной проверки (в том числе в комплексных семейных спорах, где соединяются требования о расторжении брака, алиментах и разделе имущества).

Третья модель охватывает злоупотребления в имущественных отношениях супругов, когда семейное право пересекается с гражданско-правовыми средствами защиты. Типичны ситуации, при которых один из супругов отчуждает совместно нажитое имущество без реального согласия второго супруга, использует номинальных приобретателей, создает фиктивную задолженность, инициирует мнимые сделки, а затем в суде пытается представить происходящее как обычное распоряжение имуществом. Судебная статистика фиксирует отдельную категорию дел о признании недействительными сделок по отчуждению совместно нажитого имущества супругов, а также значительный массив дел о разделе имущества и связанных с этих требований, что косвенно подтверждает практическую распространенность проблематики. В подобных спорах статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации становится «контрольной нормой»: даже если сторона ссылается на формально корректную конструкцию сделки, суд оценивает цель и добросовестность поведения, а при доказанности недобросовестности применяет отказ в защите права или иные последствия, вытекающие из системного толкования гражданского законодательства [3, с. 95].

Четвертая модель злоупотребления связана с использованием родительского статуса как «процедурного ресурса» в конфликте с другим родителем. Сюда относятся действия, направленные не на участие в воспитании, а на создание процессуальных преимуществ: многократное предъявление однотипных требований при минимальном изменении обстоятельств, искусственное расширение предмета спора, злоупотребление обеспечительными мерами, подача жалоб и заявлений исключительно для затягивания рассмотрения, провоцирование параллельных процессов. В доктрине эта проблематика рассматривается как разновидность отказа в защите права при злоупотреблении семейными правами, где ключевым является вопрос о допустимых последствиях: достаточно ли отказа в конкретном требовании или нужны специальные семейно-правовые меры, учитывающие интересы ребенка. Научные публикации подчеркивают, что отказ в защите в семейных отношениях требует осторожности и особой мотивировки, поскольку суд, с одной стороны, должен пресечь недобросовестность, а с другой – не ухудшить положение ребенка и не превратить санкцию против родителя в санкцию против несовершеннолетнего [2, с. 6].

Доказательственная специфика дел о злоупотреблении семейными правами состоит в том, что предметом оценки часто становится не единичный факт, а поведенческий паттерн, то есть последовательность действий, их повторяемость, согласованность, связь с конфликтом и предсказуемый ущерб интересам ребенка. Это означает, что «новая практическая конкретика» лежит в плоскости методики доказывания: суды и стороны фактически работают с семейной ситуацией как с системой. Для споров об общении это обычно подтверждается совокупностью доказательств: документами исполнительного производства и перепиской о передаче ребенка, фиксацией срывов встреч, постановлениями по делам об административных правонарушениях, заключениями органа опеки и попечительства, а также свидетельскими показаниями и материалами, отражающими психологическое состояние ребенка. Для алиментных злоупотреблений ключевыми становятся сведения о доходах и расходах, косвенные индикаторы уровня жизни, данные о движении средств и имущества, а также оценка согласованности поведения должника (например, демонстративная «бедность» при наличии значимых расходов). Для имущественных споров супругов доказательственный центр тяжести переносится на установление действительной воли сторон сделки, аффилированности контрагентов, экономического смысла операций и момента их совершения в контексте семейного конфликта [4, с. 20].

Проблемы правового регулирования и правоприменения в рассматриваемой сфере носят системный характер. Во-первых, в Семейном кодексе Российской Федерации отсутствует развернутый общий механизм последствий злоупотребления семейными правами,

сопоставимый по ясности с конструкцией статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, вследствие чего суды вынуждены применять межотраслевой подход и «подбирать» последствия под конкретный состав спора. Во-вторых, существует риск подмены оценки интересов ребенка оценкой конфликта взрослых: иногда риторика «злоупотребления» используется как ярлык в споре, не подтверждаемый доказательствами, что ведет либо к формализму, либо к непредсказуемости решений. В-третьих, уязвимым звеном остается исполнение судебных актов по детям: даже при вынесенном решении о порядке общения фактическое исполнение может срываться, что снова и снова воспроизводит конфликт и стимулирует недобросовестные стратегии. На это указывают как практико-ориентированные обзоры и аналитические материалы, так и обсуждаемые законодательные инициативы по усилению ответственности за воспрепятствование общению [5, с. 10].

Пути решения следует видеть в сочетании законодательных, организационных и методических мер. На законодательном уровне перспективно более четкое закрепление в семейном законодательстве принципа добросовестности осуществления семейных прав и прямое указание на возможность отказа в защите семейного права при доказанном злоупотреблении с обязательным учетом интересов ребенка как ограничителя санкций, чтобы правовое последствие воздействовало на недобросовестного родителя, но не ухудшало положение несовершеннолетнего. На уровне судебной методики целесообразно развивать стандарты мотивировки: суду важно фиксировать, какие именно факты образуют поведенческий паттерн злоупотребления, почему они свидетельствуют о цели причинения вреда или о реализации права вопреки его назначению, и как выбранная мера соразмерна и минимально достаточна для защиты ребенка. На уровне исполнения решений эффективны меры, повышающие определенность: максимально конкретные графики общения, привязка к нейтральным местам передачи ребенка, предусмотренность дистанционного общения, а также взаимодействие с органами опеки и попечительства при изменении обстоятельств. Наконец, существенный профилактический потенциал имеет раннее примирение и семейная медиация в спорах о детях, поскольку именно затяжной конфликт чаще всего порождает злоупотребительные стратегии, а не наоборот; при этом медиация должна дополнять, а не подменять судебную защиту, и не может применяться в ситуациях угрозы ребенку.

Таким образом, наиболее типичные модели злоупотребления концентрируются вокруг споров о детях (воспрепятствование общению, манипулирование согласием, искусственное создание конфликтных ситуаций при передаче ребенка), алиментных правоотношений (сокрытие доходов, имитация бедности, использование требований как инструмента давления) и имущественных отношений супругов (вывод активов, фиктивные сделки,

номинальные приобретатели). Практика показывает, что злоупотребление редко проявляется единичным эпизодом; чаще оно выражено в повторяемом поведенческом паттерне, который требует оценки судом в динамике, с учетом контекста конфликта и прогнозируемого ущерба интересам ребенка [6, с. 17].

Ключевая трудность квалификации состоит в доказательственной специфике: суду необходимо устанавливать не только факты, но и направленность поведения, его системность, связь с конфликтом, отсутствие разумной семейной цели и несоразмерность избранного способа реализации права. Поэтому наиболее надежной является оценка совокупности доказательств (материалы исполнения решений, заключения органов опеки и попечительства, документы о доходах и расходах, данные о сделках, сведения о фактическом участии в воспитании), а не опора на декларативные объяснения сторон.

Ученые отмечают, что системные проблемы правового регулирования связаны с недостаточной «прозрачностью» последствий злоупотребления в семейном праве: отсутствует единый, детально описанный механизм, сопоставимый по определенности с гражданско-правовыми конструкциями, вследствие чего в практике встречается неоднородность подходов и риск либо формализма, либо чрезмерного усмотрения [7, с. 10]. При этом в семейных спорах любое последствие должно оцениваться через критерий недопустимости ухудшения положения слабой стороны: санкция, адресованная недобросовестному члену семьи, не должна превращаться в фактическое наказание для другого лица.

Наиболее обоснованные направления совершенствования включают закрепление в семейном законодательстве более четкого принципа добросовестности осуществления семейных прав и прямого указания на отказ в защите права при доказанном злоупотреблении с обязательной «ограничительной оговоркой» об интересах ребенка; развитие стандартов судебной мотивировки (описание паттерна злоупотребления, причинно-следственной связи и соразмерности меры); повышение эффективности исполнения судебных актов по детям за счет большей определенности порядка общения и процедур передачи; а также расширение профилактических механизмов (ранняя диагностика конфликта, медиация и психологическое сопровождение там, где это не противоречит безопасности и интересам ребенка).

Список литературы

1. Алаев А.А. Анализ новелл 2021 года в Семейном кодексе Российской Федерации с позиции института злоупотребления семейными правами // Вестник Международного юридического института. 2022. № 1-2 (78-79). С. 63-69.

2. Алейникова В.В. Принцип добросовестности в семейном праве: сфера применения и пути толкования // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 3-7.
3. Кислый А.А. Злоупотребление правом в семейных отношениях и способы защиты // Молодой ученый. 2020. № 7 (297). С. 93-96.
4. Лескова Ю.Г., Филатова У.Б. Принцип добросовестности и злоупотребление правом в аспекте конвергенции семейного законодательства и законодательства о банкротстве // Гражданское право. 2023. № 4. С. 19-21.
5. Лысенко А.И. Раздел совместно нажитого имущества в судебном порядке при банкротстве одного из супругов // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 8-11.
6. Матвеева Н.А. Юридическая ответственность родителей за злоупотребление своими правами и неисполнение (ненадлежащее исполнение) своих обязанностей // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. С. 16-20.
7. Матанцев Д.А. Категория злоупотребления правом в гражданском и семейном законодательстве и доктрине Российской Федерации: автореферат диссерт. канд. юрид. наук. Москва, 2012. 23 с.

ABUSE OF FAMILY RIGHTS

Akhmedova Zamira Akhmedovna

Candidate of Law,
Associate Professor, Department of Civil Law, Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

Goitiev Magomed Goitemirovich

Master's Student, Department of Civil Law, Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation;
Independent Researcher

Abstract. This article examines the phenomenon of abuse of family rights in the Russian Federation as an interdisciplinary legal phenomenon, emerging at the intersection of the principle of good faith and the priority of protecting the interests of the child. It explores the legal nature of abuse in family legal relations and analyzes its typical patterns in judicial practice: obstruction of communication between a child and a parent, manipulation of alimony obligations, dishonest disposal of marital property, and the use of procedural mechanisms to prolong the dispute. Particular attention is paid to the issue of evidentiary standards and the assessment of the behavioral patterns of the parties in high-conflict family disputes. Based on an analysis of legislation and law enforcement practice, systemic regulatory gaps are identified and areas for improving family law norms and judicial methodology are proposed, aimed at ensuring a balance between private interests and the public goal of protecting children.

Key words: abuse of rights, family legal relations, parental rights, good faith, interests of the child, alimony obligations.

References

1. Alaev A.A. Analysis of the 2021 novels in the Family Code of the Russian Federation from the perspective of the institution of abuse of family rights // Bulletin of the International Law Institute. 2022. № 1-2 (78-79). P. 63-69.
2. Aleynikova V.V. The principle of good faith in family law: scope and ways of interpretation // Family and housing law. 2022. № 4. P. 3-7.
3. Kislyi A.A. Abuse of law in family relations and ways of protection // Young Scientist. 2020. № 7 (297). P. 93-96.
4. Leskova Yu.G., Filatova U.B. The principle of good faith and abuse of law in the aspect of convergence of family legislation and bankruptcy legislation // Civil law. 2023. № 4. P. 19-21.
5. Lysenko A.I. Division of jointly acquired property in court in case of bankruptcy of one of the spouses // Family and housing law. 2021. № 6. P. 8-11.
6. Matveeva N.A. Legal responsibility of parents for abuse of their rights and non-fulfillment (improper fulfillment) of their duties // Family and housing law. 2022. № 2. P. 16-20.
7. Matantsev D.A. The category of abuse of law in civil and family legislation and the doctrine of the Russian Federation: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. Moscow, 2012. 23 с.